

18+

Ли Айзбер

Всё, что

между нами

Ли Айзбер

Всё, что между нами

«Издательские решения»

Айзбер Л.

Всё, что между нами / Л. Айзбер — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Обещание матери становится для Крис смыслом
жизни: найти любовь без боли. Но её парень Костя исчезает, оставив
жестокое сообщение. Пока Крис учится жить заново с друзьями, прошлое
не отпускает. Узнав правду, она понимает: ненависть и любовь — одно
и то же. Можно ли простить того, кто сломал тебя, если он сам — жертва?
«Всё, что между нами» — история о боли, прощении и тех, кто остаётся,
когда мир против. Книга содержит нецензурную брань.

© Айзбер Л.

© Издательские решения

Содержание

Кристина	10
Костя	18
Тоша	23
Кристина	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Всё, что между нами

Ли Айзбер

© Ли Айзбер, 2026

ISBN 978-5-0070-8195-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСЁ, ЧТО
МЕЖДУ НАМИ

— Видишь, ты даже не хочешь слышать правду. — Он сделал паузу, давая словам просочиться сквозь стены моего сопротивления. Я зажмурилась, прижав ладони к ушам, но его голос, глухой и навязчивый, достигал меня всё равно. Я застыла перед ним в немой, глупой позе, а он безжалостно продолжал: — Потому что тебе нужна причина меня ненавидеть. Если нет причины — нет и ненависти. А тебе нравится меня ненавидеть.

Он произносил это тихо, почти шёпотом, с убийственным спокойствием. Я слышала каждое слово — отдалённо, сквозь гул в собственной голове, но слышала. И он прекрасно это знал.

Я вижу гроб.

Белый, полированный до глянцевого, почти слепящего блеска, он стоит в самом центре зала, неестественно правильный и чужой на фоне потёртых, тёмных скамей. Он кажется огромным, монолитным, и в то же время — ужасающе маленьким, тесным. Слово весь мир сузился

до этих лакированных деревянных стен, за которыми лежит она. И всё. Больше я ничего не вижу. Вернее, вижу, но только размыто, будто сквозь толщу воды: тусклый свет люстр, отражающийся в глянцевом дереве, бледные пятна лиц, смутное движение где-то на периферии. Всё моё существо, всё сознание приковано к этому ящику. К этому последнему пристанищу.

И тогда, прямо посреди шага, ноги отказывают. Я замираю на месте, как вкопанная. Воздух вырывается из лёгких коротким, сдавленным стоном. Моя рука сама, без команды, инстинктивно выстреливает вперёд, цепляется за его запястье — за твёрдую, знакомую руку Кира. Я впиваюсь в неё пальцами, сжимаю так, что, кажется, кости трещат. Мне нужно удержаться, нужно зацепиться за что-то реальное, живое, тёплое, чтобы не рухнуть в эту черную, зияющую пустоту, что образовалась у меня под ногами.

И меня разрывает.

Из горла вырывается звук — не плач, а оглушительный, животный рёв, от которого леденеет кровь и замирает собственное сердце. Это крик разорванной на части души, крик, в котором смешались всё: отчаяние, боль, всё неверие. Слёзы хлещут из глаз ручьями, горячими и солёными, заливая лицо, попадая на воротник платья. Я не пытаюсь их сдержать. Во мне не осталось сил даже на это.

Траурная обстановка давит со всех сторон. Глухие, сдавленные всхлипывания незнакомых людей разносятся под сводами полупустого зала слабым, жалким эхом. Они доносятся будто издалека, сквозь толстую стеклянную стену моего горя.

Лицемерие.

Мысль проносится в голове острой, ядовитой иглой. Я сжимаю зубы, чувствуя, как по телу разливается волна горькой, едкой ярости. Эти люди... они не знали её. Большинство из них — коллеги, дальние родственники, соседи — видят её впервые. Они не знали, как она смеялась, запрокидывая голову, и от её смеха становилось светлее в самой тёмной комнате. Не знали, как она пела под дождём, раскинув руки, и капельки воды сверкали в её волосах, как бриллианты. Не знали её утреннего кофе, крепкого и горького, её тайной любви к старым дурацким комедиям, её привычка тереть пряди волос, когда думала о чём-то важном. Они прощаются с пустым именем, с оболочкой. Кладут свои яркие, бездушные цветы к гробу, шепчут что-то приличествующее моменту и спешат уйти, торопливо, словно боясь заразиться моим горем. Они не хотят оставаться, видеть всех этих слёз, погружаться в трясину чужого горя. Машины ждут их на улице, чтобы увезти обратно, в нормальную, неразрушенную жизнь.

А я... я не из таких. Я не могу прожить это в одиночку. Не могу забиться в угол и тихо сгнить изнутри от боли. Мне нужны они. Их дыхание, тепло, молчаливое присутствие, которое говорит громче любых слов.

И я прижимаюсь к Киру изо всех сил, так, словно пытаюсь впитать его в себя, найти в этих крепких объятиях хоть каплю спасения от этого кошмара. Он держит меня, его руки сжимаются на моей спине крепко, почти больно, и в этом есть что-то отчаянное: попытка удержать меня от распада, от полного исчезновения. Я рыдаю ему в грудь, не сдерживаясь, не стесняясь, отдавая ему все свои накопленные, исторгнутые наружу слезы.

А рядом Тоша. Он не обнимает меня, просто стоит. Неподвижный как скала, лицо — маска из камня. Но его молчание кричит громче моего плача. Он смотрит в пол, и взгляд такой тяжёлый, такой сосредоточенный, словно пытается прожечь дыру в паркете, чтобы провалиться сквозь землю. В его сжатых кулаках, в напряжённой линии плеч — та же ярость, то же неверие, что и во мне. Он проживает это горе изнутри, молча, не выпуская наружу.

И краем глаза, сквозь водопад слёз, я снова вижу её. Белое платье, уложенные волосы, неестественно правильные, застывшие черты лица. Открытый гроб. И мозг отказывается принимать эту картинку. Это не она. Это восковая кукла, нелепая и страшная пародия. Это не может быть она. Не может.

И до самой последней капли надежды, до самого тлеющего уголка души, я молюсь. Я впиваюсь ногтями в ладонь Кира и шепчу про себя, снова и снова, как заклинание, как единственную молитву: «Проснись. Проснись. Пусть это будет сон. Пусть это будет ужасный, бредовый кошмар, от которого я вот-вот очнусь в своей постели, в поту, но с облегчённым, безумно счастливым сердцем. Пожалуйста».

Но я не просыпаюсь. Я стою здесь, в этом холодном зале, прижимаясь к друзьям, и смотрю на гроб своей мамы. И кошмар продолжается.

С тех пор прошло ровно полгода год. Иногда я проваливаюсь в себя, в тихие омуты памяти, и тогда всплывает всё — до мельчайших, самых острых осколков. Я снова вижу тот траурный зал, чувствую запах цветов и лака, слышу приглушенные голоса и свой собственный, разрывающийся изнутри крик. Но чаще я вспоминаю не похороны, а её. Мою маму.

Она была... сильной. Настоящей скалой. Но не холодной и неприступной, а тёплой, излучающей спокойствие и уверенность. Она могла одним метким словом поставить на место любого, но в её глазах всегда жила какая-то особенная, мягкая доброта. Смотрела на мир и на меня так, словно знала какую-то великую тайну о вселенской доброте и пыталась делиться ею через каждое своё действие, каждую улыбку. Она была хорошим человеком. Слишком хорошим для этого мира.

И слишком тревожным. Эта тревога была её вторым я, тенью, следовавшей за ней по пятам.

Она беспокоилась обо всём: чтобы я поела, чтобы не замёрзла, чтобы меня не обидели. Её любовь была гигантским, всеобъемлющим щитом, под которым она пыталась укрыть меня от всех бед. И я, глядя на неё, на эту вечную готовность к бою, не зная даже всех причин её страхов, волновалась не меньше. Мы были одним целым, двумя половинками, замкнутыми друг на друге.

Мы всегда были вместе. Неразлучны. Пока она не совершила самый смелый и самый страшный поступок в своей жизни — отпустила меня учиться в колледж в восемнадцать, и позволила жить отдельно в девятнадцать. Это был её ультиматум, её попытка вытолкнуть птенца из гнезда, чтобы тот научился летать. «Ты должна увидеть другой мир, Крис. Тот, где нет страха», — сказала она тогда, и её глаза были полны решимости и бездонной грусти.

Я переехала. Мы обе пытались делать вид, что всё хорошо, что это — новый этап. И у нас почти получалось, пока волна нашего хрупкого спокойствия не разбилась о скалу его гнева. Отец узнал. Узнал, что его «глупая жenuшка» осмелилась отпустить дочь за пределы нашей квартиры, которую он считал своей крепостью, а по сути — тюрьмой.

В тот день он избил её. Не просто ударил в пылу ссоры, а именно избил. А потом позволил мне. Его голос в трубке был низким, сиплым, пропитанным наркотической мутой и ненавистью. Он приказывал вернуться. Клялся, что убьёт. Убьёт её, убьёт меня. Но мне было плевать на его угрозы. Я не боялась его агрессии, этого неадекватного, затуманенного веществами рассудка. Я выросла в этом. Я боялась другого. Боялась тишины после его звонка.

Боялась представить, что в этот момент происходит с мамой. Что она чувствует, лежа на полу и слушая, как её муж клянётся убить её дочь.

Я переступила порог нашего дома только после его ухода. Воздух внутри был густым и тяжёлым, пахнувшим страхом, разбитой посудой и чем-то ещё — металлическим, резким, запахом боли. Он снова перевернул в квартире всё вверх дном. И он не оставил на маме живого места. Не только физически.

Я зашла на кухню. Она сидела на стуле, сгорбившись, прижимая к груди пакет со льдом. Её плечи тихо вздрагивали. Она не рыдала. Она плакала беззвучно, и от этого было в тысячу раз

страшнее. Увидев меня, она попыталась улыбнуться. И сквозь слёзы, сквозь боль, она прошептала: «Я не хочу для тебя такой жизни. Клянусь, я буду оберегать тебя. Ты должна пообещать мне...» Её пальцы, холодные и дрожащие, сжали мою руку. «Обещай, что найдёшь хорошего мужчину. Обещай, что будешь жить только в любви. В полном понимании. Ты заслуживаешь только любви, доченька. Обещай мне».

Я обещала. Сквозь ком в горле, сквозь ярость и бессилие, я дала ей это обещание. Из-за его частых визитов и неоднократных избиений я стала возвращаться к ней каждым вечером. После тяжелого учебного дня и бессонной ночи я ехала через весь город, чтобы просто переночевать рядом, чтобы быть уверенной, что с ней всё в порядке. Пока одним вечером сама не попала под его горячую руку.

Я никогда не забуду. Никогда. Холодный линолеум под босыми ногами. Его дыхание, с перегаром и чем-то химическим. И его руки... Его руки, хватающие меня, свою родную дочь, за волосы. Острую, вырывающую боль у корней. Нечеловеческую силу, с которой он швырнул меня в стену. Воздух, вылетевший из лёгких. А потом его голос. Сиплый, полный презрения. Он отчитывал меня как последнюю шлюху. За то, что я посмела вырасти. За то, что посмела стать личностью. За то, что была плодом его неудачного брака.

После того вечера я отреклась от своего отца. Окончательно и бесповоротно. В тот момент, ударившись головой о стену, я наконец-то, до самой глубины души, поняла маму. Поняла то рабское, унижительное чувство бессилия, тот всепоглощающий страх, которые она испытывала почти каждый чертов день. Это было невыносимо. Это ломало.

Я знала, что наркотики меняют людей. Меняют их личности, их моральные ориентиры, их взгляд на реальность. Я не хотела злиться на него только потому, что понимала — он стал таким не по своей воле. Не он когда-то, много лет назад, решил стать монстром. В один из обычных дней, проводя время с так называемыми «друзьями», они подсыпали ему что-то. Я не знаю, что именно, и не хочу вдаваться в подробности. Это не имеет значения. Важен результат. После этого он уже не смог остановиться. И не смог остановить самого себя.

Сейчас он где-то там. Продает и торгует наркотой в грязных переулках нашего города. Говорят, он возносит большие деньги. Те самые деньги, которые однажды мог отдать на лечение своей, когда-то любимой жены. На лекарства для её больного сердца.

В её смерти я виню только его. Проблемы с сердцем начались именно с его избиений. С его бранных слов, которые переходили любые границы дозволенного и человеческого. Она боялась. Мучилась. Переживала. Её сердце, этот самый чуткий и ранимый орган, не выдержало постоянной тревоги, этого вечного, неослабевающего страха. Оно просто стало сдавать.

Мама села на таблетки. Целый ворох разноцветных пилюль, которые на время стали помогать, заглушая симптомы, но не причину. Пока его визиты снова не нагрянули. Каждый его приход был новым ударом по её здоровью, новым шагом к пропасти.

Моё собственное состояние тоже изрядно пошатнулось. Нервы были на пределе, начались панические атаки, бессонница. С этим мне очень помогал Тоша. Он был моим якорем. Он ездил со мной по больницам, сидел в очередях, выслушивал врачей. Он покупал мне нужные таблетки, потому что своих денег у меня не было, а мама уже не была в состоянии работать.

И вот, казалось, всё начало налаживаться. Отец пропал — ушёл в очередной запой или просто сменил объект для вымещения злобы. Не важно.

Наступила тишина. Я вышла в ремиссию, мои нервы понемногу успокаивались. А главное — состояние мамы стало улучшаться. И моральное, и физическое. У неё появился румянец, она снова начала смеяться тем самым, лёгким смехом. Она стала выглядеть лучше, чувствовала себя тоже. Мы начали строить планы. Может, съездить на море? Может, она запишется на танцы, о которых всегда мечтала?

В один из таких дней, абсолютно спокойный и ничем не примечательный, я зашла домой. В квартире было тихо. Слишком тихо.

Её не было дома.

Потом был звонок. Потом — больница. Слова врачей: «Работа сердца слабая. Случился приступ». Неделя в реанимации. Часы у её постели, когда я в сотый раз давала то самое обещание — найти любовь, жить в понимании. Она была без сознания, но я говорила. Надеюсь, что она слышит.

А потом её не стало.

Я была повержена в ужас. Абсолютный, всепоглощающий. И в оглушающей тишине этого ужаса в голове звучало лишь одно — данное ей обещание. Что рядом со мной не будет такого человека, как мой отец.

Но жизнь оказалась сложнее. Мы не в силах предугадать, каким окажется человек завтра. Мы не можем заглянуть в его душу и прочесть её как книгу. Любовь, доверие, привязанность — это всегда взгляд в неизвестность. Смелый, отчаянный прыжок в туман с верой в то, что внизу не окажется острых скал, а мягкие облака. Мама хотела для меня облаков. А я, спустя полтора года, всё ещё падаю. И всё ещё надеюсь.

Кристина

Загородный дом на окраине. Шесть дней я не видела солнечного света. Шесть дней я добровольно заточила себя в этих четырёх стенах, превратив свой некогда уютный дом в подсобие склепа. Воздух здесь стоял спёртый, густой, пахнувший пылью, старыми книгами и несвежими чашками чая, забытыми на журнальном столике. Пылинки лениво танцевали в единственном луче света, пробивавшемся сквозь крошечную щель между тяжелыми бархатными шторами. Эти шторы были моим главным щитом. Я повесила их — плотные, непроницаемые, цвета спелой сливы, — чтобы отсечь внешний мир. Они не пропускали ни капли дневного света, создавая вечный, душный полумрак, в котором время текло иначе: медленно, вязко, как густой сироп.

Я жила в этом сумраке, как глубоководное существо, больше не нуждающееся в солнце. Дни сливались в одно сплошное, тоскливое полотно. Я просиживала часы на своём мягком, тёплом диване, укутавшись в старый, потертый плед — тот самый, что когда-то связала мама. Он ещё хранил едва уловимый след её духов. Я впадала в оцепенение, могла часами смотреть в одну точку на потолке, где причудливая трещина образовывала очертания, похожие на плачущее лицо.

Всё это — из-за него. Из-за эгоистичного человека, который взял и исчез после нашей ссоры. Словно камешек, брошенный в воду, — один тихий всплеск, и лишь расходящиеся круги на поверхности напоминают о том, что он тут был. Эта мысль сверлила мой мозг, не давая покоя. Где он сейчас? В каком баре пропускает стаканчик виски, или уже в постели с другой, рассказывая ей те же самые сказки, что когда-то шептал мне на ухо? Уйти, оставив за собой лишь след от собственных слов, которые причиняли мне неимоверную боль, — это верх трусости и подлости. Он никогда не был откровенным изменником, я в этом почти уверена. Но сейчас, когда его нет, когда я стала ненужной, когда между нами повисла эта гробовая тишина, я понимала — теперь для него не существует никаких преград. Ни моих чувств, ни наших воспоминаний.

Неделю назад мы сильно поссорились. Причиной, как оказалось, послужила моя травма, моё состояние, от которого он устал. Прошло полтора года со смерти моей мамы, а я всё не в силах отпустить её. Пытаясь жить своей жизнью, строить отношения, мои мысли всё равно возвращаются к тому дню. Ко дню её смерти. Я снова впала в своё уже привычное, депрессивное состояние, и он снова это заметил. Не имею понятия, о чём он думал, но дальше я слышала от него только то, что резало меня изнутри:

— Прекрати. — Выпалил Осенний, и ударил кулаком по столу. Образовалась мертвая, давящая тишина. — Сколько ты ещё будешь вот так сидеть, Крис? Пора заканчивать, и жить дальше. Я устал смотреть на тебя опустошенную каждый день, устал... — Я резко прервала его.

— А я не устала? — Громко и сухо послышались мои слова. Мой взгляд встретился с его тёмными глазами. — Я бы отпустила, будь это так просто. Но ты же устал, так что тебе мешает «отдохнуть»? — С резким сарказмом вырвалось у меня, и я почувствовала, как моё сердце пропускает едкий удар боли.

— Блять. — Осенний резко выдохнул, и поднялся на ноги, не спуская с меня глаз. — Увидимся, как разберешься со своей больной головой. Мне надоело.

Громкий хлопок входной двери, и тишина. Сдавливающая меня тишина, и боль от его слов, в которой я живу последние шесть дней.

А наши отношения? Разорваны ли они? Я не знала. Это было похоже на рану, которую не зашили, не обработали, и теперь она медленно сочится, отравляя всё вокруг. Я не могла ни двигаться вперёд, ни вернуться назад, застыв в этом болезненном лимбе. И, как замороженная, я возвращалась к одному и тому же вопросу: Почему? Почему он ушёл вот так? Или про-

сто нашел причину разорвать отношения? Обычно наши ссоры решались, но здесь, он просто исчез, как будто ничего и не было. Эта потребность узнать причину стала навязчивой идеей, физической жадой. Я не знала, как я это сделаю, но я должна была докопаться до истины, даже если она меня уничтожит.

Сейчас я сидела в темноте, вжавшись в угол дивана. Плед укрывал меня с головой, создавая иллюзию безопасности. Тишина в доме была абсолютной, звенящей. Её нарушал лишь тихий треск горящих в камине поленьев — я растопила его пару часов назад, пытаясь согреться, но внутренний холод никак не отступал.

И вдруг тишину разрезал резкий, настойчивый стук в дверь. Громкий, требовательный. Моё сердце ёкнуло и замерло. Кто это мог быть? Почему в середине дня? Я не ждала никого. Мысль о том, чтобы встать и открыть, вызывала во мне приступ паники. Я не хотела никого видеть. Я хотела, чтобы меня оставили в покое, чтобы весь мир забыл о моём существовании.

Но стук повторился, став ещё более яростным. Казалось, дверь вот-вот не выдержит и треснет. Она и так держалась, что называется, «на честном слове». Если я не открою, её действительно вынесут с петель. Мысль о том, что в мой хрупкий, изолированный мирок ворвётся чья-то грубая сила, заставила меня пошевелиться.

Со стоном я отбросила плед и медленно поднялась с дивана. Ноги, затекшие от долгого сидения, подкосились, и я едва не упала, схватившись за спинку дивана. Голова закружилась. Неделя без движения, почти без еды, не прошла даром. Тело протестовало против любого действия. Но, что удивительнее всего, мне было на это наплевать. На себя, на своё состояние, на всё.

Сделав несколько неуверенных шагов по скрипящему паркету, я подошла к двери. Моя рука дрогнула, прежде чем взяться за холодную железную ручку. Я глубоко вздохнула и рывком открыла дверь.

И тут же меня едва не снесло с ног. В дом, словно ураган, ворвался мой друг, Кир. Он влетел так стремительно, будто за ним гналась стая демонов. От него пахло холодным воздухом, влажной осенней листвой и... яростью. Чистой, неразбавленной яростью.

Он не был испуган. Его лицо, обычно такое открытое и доброе, было искажено гневом. Скулы напряжены, ноздри расширены, губы сжаты в тонкую белую ниточку. Казалось, от него исходил жар, как от раскалённой докрасна печи. Он даже не пытался остыть. Его испепеляющий взгляд, тёмный и тяжёлый, буквально впился в меня, сканируя, выискивая, осуждая. Он смотрел на меня так, будто я была не его подругой, а самым отвратительным существом на свете.

Мы стояли так несколько секунд, молча измеряя друг друга взглядами. Гулкая тишина в прихожей становилась невыносимой. Чтобы разорвать её, чтобы совершить хоть какое-то действие, я с силой захлопнула дверь. Громкий щелчок замка прозвучал как выстрел.

И только тогда он заговорил. Его голос, хриплый от сдержанных эмоций, прорезал тишину, как нож:

— Крис! Неделю уже не отвечаешь! Ты в городе живёшь, или в лесу?

— Почти угадал, — вырвалось у меня немедленно, голос прозвучал хрипло и неестественно. Я знала его, знала его упрямый, настырный характер до мелочей. Он был как бульдог — вцепится в идею вытащить меня из этой ямы и не отпустит, пока не добьётся своего. Его упорство одновременно раздражало и вызывало смутную благодарность, которую я тут же подавляла. Но пока что, в этот конкретный момент, я не собиралась покидать своё убежище. Эти стены, этот полумрак стали моей бронёй, и снимать её было страшно.

Кир не сдвинулся с места, его грудь всё ещё вздымалась от недавней ярости и быстрого бега. Но теперь его взгляд изменился. Гнев сменился чем-то более сложным — тревогой, болью, разочарованием. Он медленно, намеренно окинул меня взглядом сверху вниз, и я почувствовала себя лабораторным образцом под стеклом. Его глаза, тёмные и проницательные,

скользили по моим всклокоченным, грязным волосам, задержались на синяках под глазами, которые проступили за неделю бессонных ночей, на моей помятой, просторной футболке, в которой я не менялась третий день. Он видел всё: лёгкую дрожь в руках, восковую бледность кожи, обветренные губы. И в этот момент произошло странное — его голос изменился. Резкий, громкий тон стих, сменившись на удивление спокойным, внятным и до боли нежным бархатым баритоном.

— Крис, так нельзя, — произнёс он, и каждое слово было выверено, выговорено с такой осторожностью, будто он боялся задеть что-то хрупкое и ранимое внутри меня. Будто в моей памяти хранились хрустальные шары с самыми болезненными воспоминаниями, одно неверное движение — и они разобьются, разрезая меня изнутри. Он говорил с ней, с той прежней Крис, которую знал, а не с этой опустошённой версией, что стояла перед ним сейчас.

А я... я не могла оторвать от него взгляда. Моё лицо было маской полного безразличия, пустоты. Я смотрела на него так, словно из меня только что высосали душу, выкачали все эмоции, какие только возможны, оставив лишь холодную, инертную оболочку. Во рту стоял горький привкус апатии. Но где-то в глубине, под толстым слоем этого онемения, тлела искра старого, знакомого упрямства. Конечно же, я не оставлю его без ответа. Без ещё одной колкости, ещё одной отравленной фразы, которая вонзится ему в самое сердце и выведет из этого дурацкого, снисходительного спокойствия.

— Кир, отстань, мне всё равно, — бросила я, и фраза прозвучала плоской, лишённой даже намёка на эмоции. Я на мгновение встретила с его взглядом, увидела, как в его тёмных, почти чёрных глазах что-то дрогнуло — боль? разочарование? — и тут же, резко развернувшись, направилась обратно к своему дивану. К своей зоне комфорта. К этому засаленному уголку, где меня ждали смятые подушки, мой старый, пропахший мной плед и недопитая бутылка дешёвого вина со вчерашнего вечера. Это был мой островок в море хаоса, и я отчаянно цеплялась за него.

Я сделала всего пару шагов. Не успела я снова утонуть в мягкой ткани дивана, как услышала его тяжёлые шаги за спиной. Он, недолго думая, поплёлся за мной. Его движение было естественным, почти инстинктивным — он никогда не отступал. Проходя мимо окон, Кир резко, почти агрессивно, с размаху рванул шнур от штор. Плотная бархатная ткань с громким шелестом взметнулась в стороны, сбивая пыль.

И в тот же миг в комнату ворвался свет. Не мягкие сумеречные лучи, а ослепительный, яростный поток полуденного солнца. Он хлынул в комнату, как прорвавшая плотину вода, заливая всё вокруг жёстким, безжалостным сиянием. Пылинки, до этого лениво танцевавшие в полумраке, теперь взметнулись в воздухе, словно золотистая метель. Свет ударил мне прямо в глаза, обжёг сетчатку. Я зажмурилась с гримасой боли, отшатнувшись и поднеся руку к лицу, словно могла отгородиться от этого вторжения. Он обнажил всё: пыль на мебели, грязные кружки, мой собственный неряшливый вид. Это был свет правды, и он был безжалостен.

Едва мои глаза начали привыкать к ослепительной атаке, как он уже стоял надо мной. Буквально над душой. Его тень упала на меня, и я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Он снова пытался что-то сказать, его лицо было напряжённым, губы готовы были излить новый поток слов.

— Ты понимаешь хоть, что я тебе говорю? — начал он, но голос снова сорвался на повышенных тонах. И вдруг его взгляд, скользящий по комнате в поисках точки опоры, резко метнулся в сторону. На полку, висевшую невысоко над камином. Ту самую полку, где в аккуратных рамках стояли наши с Костей совместные фотографии. Мы улыбались, обнявшись, на фоне заката; дурачились в парке; смотрели друг на друга с такой нежностью, что сейчас от этого сводило зубы.

И тут я увидела это. Его рука — сильная, с выступающими венами — не дрогнула ни на миллиметр. Не было ни тени сомнения, ни мгновения колебания. Она двинулась к полке

решительно, почти механически. Его пальцы сомкнулись на первой попавшейся рамке, и он сорвал её с полки так, будто это был не запечатлённый кусок счастья, а что-то омерзительное, что нужно было немедленно уничтожить. Затем вторая. Третья. Он не смотрел на них. Он швырнул их в камин, где уже весело потрескивали и плясали языки пламени.

Я застыла, не в силах пошевелиться, наблюдая, как огонь жадно лижется к бумаге. Сначала края фотографий почернели и скрутились, затем пламя принялось за изображения. Наши улыбки пузырились и расплывались, превращаясь в чёрные, обугленные пятна. Тени от пляшущего пламени метались по стенам комнаты, словно призраки наших сгорающих воспоминаний. Я смотрела, как огонь забирает их, поглощает, уничтожает на моих глазах, и мне показалось, что вместе с бумагой горит что-то во мне. Будто душу мне прожгли раскалённым железом. Это был тот самый момент, тот самый точный, болезненный миг, когда я возненавидела Кира. Яростно, до дрожи в коленях, до сжавшихся кулаков. Я возненавидела его на неизвестное, но бесконечно долгое количество минут.

Что-то резкое и неконтролируемое подняло меня с дивана. Какой-то слепой, животный инстинкт. Я не думала. Я просто кинулась вперёд, к камину, к этому пожирающему чудовищу. Я протянула руки к огню, глупая, отчаянная, пытаюсь достать уже почерневшие, тлеющие клочки бумаги, выхватить из адского жара хоть маленькую, обугленную часть своей души, что хранилась в этих снимках.

Но прежде чем жар успел опалить кожу, Кир выдернул меня из этого воображаемого, ужасного мира. Его руки, сильные и твёрдые, схватили меня за запястья, оттянули на себя, заставив развернуться и смотреть ему в лицо. Его пальцы впивались в мою кожу почти больно. Мне дико захотелось влечь ему пощёчину, вышвырнуть его из своего дома, чтобы он больше никогда не смел, переступить порог. Но я, сжав зубы до хруста, воздержалась от необдуманных, чисто эмоциональных действий. С огромным усилием я подняла на него взгляд. В его глазах бушевала буря.

— Ты в своём уме?! — прокричал он мне прямо в лицо, и его дыхание, сбивчивое и горячее, обожгло мою кожу.

Он ждал реакции. Любой. Слез, крика, ответной ярости. Но её не было. Во мне была только ледяная, оглушающая пустота.

— Хватит забивать свою голову этим уродом, — продолжил он, и тут его голос неожиданно изменился. Сорвавшись на крик, он вдруг перешёл на более спокойный, почти усталый тон, но от этого слова становились только тяжелее. — Сколько раз тебе уже звоночки прилетали?

Эту часть фразы он произнёс без желания убить меня на месте, но отвечать я не торопилась. Мой взгляд опустился на его ноги, на его потрёпанные кеды. Я пыталась заставить мозг работать, пыталась вспомнить эти самые «звоночки», красные флаги от моего парня. Но в памяти всплывало лишь хорошее. Утренние кофе в постель, смех в машине под дождём, его пальцы, переплетённые с моими. В моих глазах он был идеальным. Неужели я и вправду, в самом деле, считала Осеннего идеалом? И тут, как удар током, до меня дошло. Одиночество. Это проклятое одиночество сыграло со мной злую, жестокую шутку. Не нужно было неделю деградировать на мягком диване, в четырёх стенах, в полном забвении.

От этого мои мысли, отравленные тоской и страхом, превратили обычного парня, принёсшего мне боль, в божественное существо, несущее за собой лишь страдания. Представить не могла, как всё так перевернулось в моём сознании.

— Ни разу, — резко, почти выстрелом, ответила я. Сама не поняла, как это вырвалось из моих уст. Это была автоматная, защитная реакция.

Ответ Кира не заставил себя ждать.

— Множество раз, Крис. Перестань, — он отчаянно смотрел мне в глаза, и в его взгляде читалась неподдельная боль. Желание вытащить меня из этой ямы, из этого болота, будто нарастало в нём с каждой секундой, становясь почти физически ощутимым.

Кир оторвал от меня взгляд, медленно, будто с неохотой, отпустил мои руки и повернулся к дивану, где царил хаос. Я с ужасом смотрела на это воплощение моего упадка — за неделю комната превратилась в точную копию моего внутреннего состояния. И тут взгляд зацепился за пару пустых бутылок итальянского вина на журнальном столике. Последние деньги, спущенные в попытке утопить в алкоголе хоть каплю этой всепоглощающей тоски. И у меня получилось — лёгкая похмельная муть до сих пор клубилась в голове, а стыд сжимал горло, вызывая тошноту. Мне хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться.

Я мысленно молилась всем богам, известным и неизвестным, чтобы Кир не заметил это немое свидетельство моего падения. Но на что я надеялась?

Я очнулась от своих побегов в мир грёз и самооправданий из-за того, что Кир внезапно подхватил меня на руки. Легко, будто я не взрослая женщина, а потерянная девочка. Он понёс меня к дивану, одной рукой сгрёб груды вещей и усадил на освободившееся место. И в тот же миг его взгляд, как прикованный, упал на бутылки. Проклятье!

— Ты когда алкоголь успела?.. Это за один день ты всё?.. Дура! — это нецензурное слово вырвалось у него, сорвавшись с языка.

Я смотрела на него как провинившийся ребёнок, пойманный с родительским алкоголем под ёлкой. И это единственное слово, это «дура!», обожгло сильнее любого крика, любой его ярости. Что-то внутри, какая-то пружина, сжатая до предела, резко разжалась.

— Пошёл ты, — тихо, но отчётливо, с ледяной ненавистью выдохнула я.

Его глаза округлились от изумления, и мои — тоже: я сама не поняла, как это сорвалось. Но шок на его лице сменился холодной, собранной яростью. Он резко, почти пронзительно посмотрел на меня прожигающим взглядом и произнёс то, чего мне хотелось услышать меньше всего на свете.

— Хорошо. Но когда через полчаса здесь будет Тоша, ты сама прекрасно знаешь, что будет.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица, сердце замирает где-то в районе пяток. Тоша... Человек, от которого можно ждать чего угодно. За его добротой, милой улыбкой и умением слушать скрывалась стальная, нестигаемая воля. В такие моменты он был готов соорудить виселицу на моей же люстре и лично помочь мне в неё взобраться, если это, по его мнению, пойдёт мне на пользу.

Я понимала, что уже не убежать. Да и бежать не хотелось — на это просто не оставалось сил. Поэтому все последующие полчаса мы с Киром просидели в гробовой, давящей тишине.

Когда-то я даже была влюблена в Тошу. Пока не узнала, что у него есть девушка, с которой они вместе уже три года. Он, конечно, красавчик — спортивное телосложение, обаятельная улыбка, голос, в котором тонули девушки, — но я явно оказалась не в то время и не в том месте, чтобы по-настоящему это оценить.

Меня снова выдернули из чудесных, спасительных рассуждений о Тоше чёткий, уверенный стук в дверь. Кир впустил его без лишних слов. И тут началось самое страшное. Я готова была бежать марафон, лишь бы избежать очередной лекции о том, как безнадежно я деградирую и какой Осенний — козёл.

— Вот она, наша деградирующая личность, — раздался ироничный, отточенный как лезвие голос Тоши. — Крис, ты когда уже вылезешь из этой берлоги?

— Никогда, — огрызнулась я, вкладывая в это слово всё оставшееся во мне упрямство.

Его взгляд заострился, стал тяжёлым и пронзительным. Он резко, без тени сомнения, направился ко мне. Сердце на мгновение перестало биться, замерло в груди.

— Вставай. Пошли в ванную.

Он шагнул вперёд уверенно. Его пальцы сомкнулись на моём запястье, и он поднял меня с дивана с такой лёгкостью, будто я не весила ничего.

Не отпуская руку, он провёл меня через всю комнату до порога ванной, втолкнул внутрь и захлопнул дверь. Тоша видел меня насквозь — иногда мне казалось, что у него встроенный рентген. Иначе как объяснить, что он читал моё внутреннее состояние лучше, чем я сама?

Он не произнёс ни слова, но прекрасно видел, что я ещё не до конца протрезвела, что от меня пахнет перегаром и отчаянием. Его действия говорили сами за себя.

— Раздевайся, — скомандовал он коротко, без обиняков.

Прежде чем я успела что-то возразить, он буквально затолкал меня в душевую кабину и резко повернул кран. Со свистом хлынула ледяная вода, обжигая кожу, сбивая дыхание. Я вскрикнула от шока и неожиданности, отшатнулась, ударившись спиной о холодную кафельную стенку.

— Выключи! — просипела я, пытаюсь прикрыться руками от ледяных иголок.

Но Тоша не двигался. Он стоял снаружи, за стеклом, и его взгляд, тяжёлый и пронизывающий, буквально пригвоздил меня на месте. В его глазах читалась не злость, а что-то другое — решимость, боль, бесконечная усталость от моих постоянных падений.

Я чувствовала себя не просто неловко. Я чувствовала себя абсолютно беззащитной, обнажённой — и дело было вовсе не в отсутствии одежды. Чувство неловкости возникало не из-за наготы. Я никогда его не стеснялась. Тоша не был тем, кто станет глазеть на чужое тело, жадно скользя взглядом. Напротив, в такие моменты он проявлял невероятную стойкость — его взгляд никогда не опускался ниже моих глаз. В этом была его сила, которую я не могла не признавать.

— Протрезвела? Теперь иди, грейся, — его голос прозвучал неожиданно заботливо. Он захлопнул дверцу душевой, оставив меня наедине с шумом воды и собственным унижением.

— Идиот, — раздражённо бросила я ему вдогонку, поворачивая кран с тёплой водой. Но он был прав — Ледяная завеса в голове рассеялась, сменившись ясным, болезненным осознанием всего происходящего.

— Мойся, идиотка. От тебя пахнет, как в подземном переходе, — Уже с привычной ноткой сарказма отозвался он из-за двери.

Я услышала его шаги, удаляющиеся в сторону комнаты. Через мгновение дверь снова распахнулась.

— И зубы почисти! — резко крикнул он, и снова скрылся.

Вернувшись, он оставил мою одежду аккуратной стопкой на табурете. Затем присоединился к Киру, и вместе они принялись за беспорядок, который я устроила за неделю своего затворничества.

Никогда не думала, что эти двое в один прекрасный день будут вычищать мой дом, полочку за полочкой, угол за углом. И за это я была им безмерно благодарна, несмотря на всю боль, что копилась внутри.

Под струями горячей воды мысли вновь вернулись к Косте. Мой разум отчаянно искал хоть какую-то зацепку, любое оправдание, чтобы успокоить израненную душу. Я понимала, была зависима от него. От его присутствия, от его прикосновений, от самой иллюзии наших отношений. И теперь я с ужасом думала — как мне жить дальше? Что если он не вернётся?

Я простояла под душем ещё целый час, пока вода не начала надоедать. Неохотно вытерлась, надела чистую, пахнущую свежестью одежду и с глубоким вздохом направилась к друзьям.

— Вылезла, лягушка, — с прищуром бросил Кир, поднимаясь с дивана и уступая мне место. — Теперь садись и рассказывай.

— Что? — опускаясь рядом с Тошей, я озадаченно перевела взгляд с одного на другого. Я и вправду не понимала, о чём мне рассказывать. — Что у тебя с Костей? — резкий и уверен-

ный вопрос прозвучал прямо у моего уха, заставив вздрогнуть. — Что, чёрт возьми, вообще происходит?

— Я не знаю, — подавленно выдохнула я и замолчала, стараясь не встречаться ни с кем глазами.

Его вопрос ударил прямо в сердце. Боль была такой острой, что мне захотелось сжаться в комок и отгородиться ото всех. Что я могла сказать Тоше и Киру? Я и сама ничего не понимала. Но я должна была дать им какой-то ответ.

Я сглотнула ком в горле и заговорила:

— Шесть дней назад, мы сильно поссорились, и он просто ушёл. Ничего не объяснив, только со словами, что я надоела вечно сидеть в своём горе. Я не знаю, где он, и что теперь между нами.

Предательские слёзы подступили к глазам. Я зажмурилась, чувствуя, как по щекам скапливаются мокрые дорожки. Влажные волосы прилипли к лицу, словно пытаясь спрятать меня от этого разговора.

— Ну и забудь ты о нём. Не трать свои нервы, — спокойно проговорил Кир. Он мягко заправил прядь моих волос за ухо и приподнял мой подбородок, заставляя посмотреть на себя. Мои глаза предательски открылись, слёзы текли по щекам, когда я встретила взглядом с Киром.

— Тебе проще говорить... ты не в отношениях, — прошептала я, с трудом выговаривая слова.

— А вдруг у нас одна на двоих? — с лёгкой насмешкой выдал Тоша.

— Тош, ты идиот! У тебя же девушка! — почему-то вспыхнула я, сама не понимая источника этого гнева.

В ответ он лишь взял мою руку в свою и мягко сжал. Его прикосновение было спокойным и твёрдым

— Успокойся, — тихо сказал он.

На миг воцарилась тишина, нарушаемая только его тяжёлым вздохом. Он дал знак Киру продолжить.

— Теперь серьёзно, — голос Кира прозвучал собранно. — Что ты думаешь делать?

Я повернулась к нему. Слёзы уже высохли на щеках, оставив после себя стянутую, солёную кожу. И я действительно задумалась.

— Я просто хочу понять... где он и почему так поступил, — прошептала я, снова опуская глаза в пол.

Парни переглянулись. Молчаливый разговор длился всего секунду, но я его поймала. Затем их взгляды снова приковались ко мне. Кир пожал плечами, его лицо оставалось невозмутимым. Но когда он снова приподнял мой подбородок, я увидела в его карих глазах то, что он так старательно скрывал — настоящую, глубинную тревогу за меня. Его тёмные взлохмаченные волосы падали на лоб, но не могли скрыть этого выражения.

— Надо... надо попробовать включить телефон, — вдруг отчаянно выпалила я, прерывая их молчаливый совет. — Я совсем его не включала. Может, он писал... звонил...

Было очевидно, что они в этот момент мысленно продумывали куда более радикальные планы — как взломать что угодно, лишь бы добыть ответы и вернуть мне покой.

— Тогда отдыхай, разбирайся с телефоном, — поднимаясь с дивана, сказал Тоша своим чётким, бархатным голосом. — Мы доделаем уборку и уедем.

Он положил руку на плечо Кира, и я заметила выступающие вены на его кисти, тянущиеся вверх по предплечью. Он злился. Я видела это. Он редко показывал эту сторону своих эмоций, но сейчас... каждый раз без преувеличений я видела всё, что он чувствовал. Я искренне не понимала, почему в нашей дружбе он скрывает эмоции, зная, что я прекрасно вижу их.

Полтора года назад, когда состоялись похороны моей мамы, Тоша был со мной, и в тот день я не увидела на нём никаких эмоций. Ни боли, ни скорби, хотя он любил мою маму почти как родную. Это было странно и немного пугающе, потому что Тоша никогда не был бесчувственным. Совсем наоборот. Да, он умел прятать часть своих переживаний, но таким — абсолютно пустым — я не видела его никогда. Что это значило? Я терялась в догадках.

От этих тяжёлых размышлений меня оторвала рука Кира. Он положил её мне на плечо и смотрел на меня с беспокойством, словно я уплывала в другой мир. Что, в общем-то, было недалеко от истины.

Ещё несколько минут они поговорили со мной, дали последние наставления, затем уехали, сдержав слово. Дом погрузился в тишину. Не в ту гнетущую, что была последние шесть дней, а в спокойную, чистую. Я огляделась. Повсюду царил идеальный порядок, который они навели, — тот самый, на который я сознательно закрывала глаза всю прошлую неделю, уже всерьёз подумывая вызвать клиринговую службу, лишь бы не делать ничего самой.

Костя

Открывая глаза, я сонно зеваю, и этот зевок — не просто рефлекс пробуждения, а глубокий, почти животный стон, вырывающийся из самой глотки. Воздух в комнате был прохладным, с едва уловимым сладковатым ароматом какого-то дорогого парфюма, смешанным с запахом пота и постельного белья. Я приподнялся на локтях, и матрас с ортопедическим эффектом мягко пружинил под моим весом. Ладони утонули в прохладной, шелковистой на ощупь простыне.

Я проснулся в спальне, но не своей. Моя комната, аскетичная и функциональная, с голыми стенами и гитарой в углу, никогда не выглядела так... ангельски. Или, скорее, фальшиво-ангельски. Всё здесь было выдержано в бежево-белых, кремовых тонах, словно интерьерный журнал для молодоженов. Свет, просачивающийся сквозь плотные, но не полностью закрытые римские шторы, был рассеянным и золотистым, отчего пылинки в его лучах танцевали, как микроскопические феи.

Посередине, как главный алтарь этого святилища, стояла большая двуспальная кровать. Она была сделана из светлых пород дерева, с высоким изголовьем, обтянутым бежевой тканью. Справа, в углу, упираясь в стену, стоял белый гляцевый письменный стол, на котором царил идеальный, неестественный порядок: ноутбук, закрытый, сложенные стопкой книги в твердых переплетах и хрустальная пепельница, сияющая чистотой. Напротив стола, занимая почти всю стену, возвышался большой белый шкаф-купе с зеркальными дверцами, в которых сейчас отражалась моя растерянная фигура.

По левую сторону от кровати стояла такая же светлая, парящая тумбочка. И на её гляцевой, почти стерильной поверхности, как похабный граффити на стене храма, я отчётливо заметил два предмета. Первый — чей-то бюстгальтер телесного цвета, кружевной, с тонкими бретельками, бесформенной кучкой лежащий на краю. И второй, чуть ближе к лампе с абажуром из ткани «под лён» — серебристый квадратик, бликующий на свету. Презерватив. Не распакованный.

Мыслей в голове не было, был хаос. Обрывки образов, обрывки звуков, чувство липкого, неприятного похмелья, которое было не только физическим, но и душевным. Поток мыслей усиливался, накатывая новой волной, и я не знал, что думать, не мог элементарно собрать в кучу осколки вчерашнего дня. В чьей я квартире? Как я здесь оказался? Память была как выбеленный солнцем песок — горячий, но бесформенный.

Отчётливо и точно, сквозь этот туман, как единственный маяк в штормящем море, я помнил лишь один факт. Недавно мы с Крис сильно поссорились, и я решил уйти. Струсил. Возвращение послужило для меня большим стыдом, и я стал избегать. Скорее избегать не её, а самого себя. Осознание того, какую глупость я ей сказал, и насколько глупо поступил, заводили меня в тупик.

Уверен, она сейчас во всю ненавидит меня. Слишком гадко жить с осознанием своей ошибки, и не возвращаться. Я не хочу снова делать ей больно. Думаю, я буду уродом, если продолжу в том же духе.

Но не успели мои мысли продолжить это мучительное путешествие, как краем глаза я поймал движение на рабочем столе. Не движение, а свет. Электронные часы с большим дисплеем показывали время: 14:07. Два часа дня. Я проспал половину дня. И тут же, словно по сигналу, щёлкнула замочная скважина, и дверь в комнату плавно открылась.

— Проснулся? — Послышался нежный, бархатный женский голос, нарочито мягкий. Я повернул голову, и шея неприятно хрустнула. Передо мной стояла не та, которую я бы хотел видеть первым в этот день, да и вообще когда-либо. Лера. Она стояла в дверном проеме, обло-

котившись о косяк, в коротком шелковом халатике, под которым скрывались лишь трусики. Её волосы были уложены идеально, будто она только что от стилиста, а не проснулась.

Лера медленно, с театральной грацией, присела на край кровати, пододвигаясь ко мне. Пружины тихо застонали. Она приблизила свое лицо к моему, от неё пахло мятной жвачкой и тем же духами, что витали в комнате. Очевидно, она хотела поцеловать меня, утреннего, помятого, с перегаром. Но я инстинктивно, будто от касания раскаленного металла, отвёл голову чуть назад.

— Какого чёрта? — Мой голос звучал хрипло и куда более спокойно, чем я чувствовал внутри, потому что агрессия тут была бессмысленна. Это была её территория. — Ты почему тут, а не с Тошей?

Она сразу опустила взгляд, сделав вид, что застенчива. Её рука, с длинными, ухоженными ногтями, покрытыми бежевым лаком, дёрнулась и легла на мой торс. Её пальцы, холодные и цепкие, начали медленно проводить по каждому кубику пресса, будто проверяя рельеф. Меня это не возбуждало. Это злило. Это было омерзительно. Схватив её за запястье, я с силой убрал её руку от себя, давая понять всем своим видом, что жду вменяемого ответа.

— А что мне Тоша? — Усмехнулась она, но в глазах мелькнула искорка злости. Её взгляд продолжал скользить по моему лицу, изучая каждую черту. — Я здесь с тобой.

— Мы переспали? — Не стесняясь, не смягчая, я бросил в неё уточняющим вопросом, как камень, и резко кивнул в сторону тумбы, на которой так вызывающе красовались те два предмета.

— Не помнишь ничего? — Иронично, почти певуче произнесла она, и прежде чем я успел среагировать, она уже приподнялась и уселась верхом на мои колени, отталкивая меня своим весом назад, на подушку. Её халат распахнулся. — Да, мы переспали. Ты вроде не был против, Кость.

«Кость». Это прозвище из её уст звучало как осквернение.

— Не был, возможно, потому что ты меня напоила. — Уже грубо, сквозь зубы произнёс я, снова хватая её за запястья и приковывая взгляд к её притворно-невинным глазам. — Слезь.

— Кость, с чего ты взял? Ты мне нравишься, я тебе тоже, что ещё нужно? — Её голос звучал так фальшиво и омерзительно, что я и понятия не имел, как, в каком безумии мне удалось переспать с этим существом. От моей резкости Лера вздрагивает, делая вид, что обижена, и наконец, слезает с меня, вставая с кровати.

— Говори за себя. Ты сейчас должна быть с Тошей, а не со мной. — Грубость в голосе не сбавлялась, он дрожал от сдерживаемой ярости. Приподнимаясь, я спустил ноги с кровати. Голый торс покрылся мурашками от прохлады. Я начал обходить комнату, откидывая взглядом одеяло, заглядывая под кровать. Мои вещи. Где мои вещи? Наконец, я заметил свои тёмные джинсы и чёрное худи, аккуратно сложенные на том самом белом стуле у стола.словно трофей. Хватая их, я стал быстро одеваться, чувствуя на себе её пристальный взгляд. Одежда пахла чужим стиральным порошком. Не застегивая ширинку на джинсах и натянув худи, я уходил из комнаты, а эта ненормальная, как тень, поплелась за мной по пятам.

— Плевать я хотела на этого Тошу! — Выкрикнула она, выходя за мной на кухню.

Кухня была такой же вылизанной: гляцевые фасады, столешница из белого искусственного камня, хромированная техника. Я игнорировал её, потому что в их личные, гнилые изнутри отношения лезть не хотелось. Они сами прекрасно разберутся, и это будет зрелищно и подло.

Хватая свой телефон со стола, я не медля разблокировал его. Десяток пропущенных звонков: два от Влада, три от незнакомого номера, несколько от ребят. Десятки сообщений в Telegram. Но они не казались такими важными, как одно-единственное сообщение в мессенджере, отправленное Крис. Но его писал явно не я. Сердце упало куда-то в пятки, прежде чем я успел его прочитать.

Сообщение было помечено как «Доставлено». Текст был коротким и ударным, как нож в живот:

«Не знаю что там с тобой, но мне плевать. Думаю, ты поняла, что всё между нами закончено. Пишу лишь для того, что бы уведомить тебя в том, что я спал с Лерой, любимая»

Прочитывая эти глупые, жестокие строчки, я начал ненавидеть всё вокруг ещё больше. Сердце кольнуло острой, физической болью, дыхание перебилося, словно в лёгких не осталось воздуха. Я медленно повернул голову в сторону Леры, стоявшей в дверном проеме с хитрой, довольной ухмылкой. И я понял. Понял всё. Понял, чего она добивалась. Это была не просто измена Тоше. Это была месть. По какой-то причине, известной только ей.

— И зачем? — выдавил я, и мой голос был тихим и опасным.

— Ну, ты же её бросил ещё неделю назад, вот я и воспользовалась случаем, — У неё был такой невинный, детский вид, будто она просто взяла чужую ручку без спроса, а не уничтожила остатки моих шансов на примирение. И мне впервые в жизни, с такой ясностью и силой, захотелось ударить девушку. Но Леру, кажется, девушкой даже назвать нельзя. Это был какой-то холодный, расчетливый механизм в оболочке человека.

— Заткнись. — Выкрикнул я, и сразу продолжил, стремительно подходя к ней вплотную. — Её-то зачем сюда впутывать? Хочешь его бросить, бери и разговаривай лично, она тут не при чём! — Голос срывался и набирал громкости, я чувствовал, как на висках набухли вены. Но я вовремя остановился, сглотнув ком ярости в горле, и отошёл от неё. Отошёл удачно, потому что мой взгляд упал на кухонную столешницу. Рядом с раковиной стояла почти пустая бутылка красного вина и... маленькая, аптечная бутылочка из тёмного стекла. Не став медлить, я подошёл и взял её в руки. Этикетка. Я прочитал название. Это был не просто стимулятор, это была мощная, рецептурная виагра. Злость забушевала с новой силой, потому что я начинал ненавидеть её ещё больше, переходя в какую-то запредельную стадию отвращения.

— Так ты ещё и виагру мне подлила? Ты сама хоть помнишь, что звала меня «просто поговорить»? — Зная ответ, произнёс я тихо и приковал к ней взгляд. В её глазах и без слов всё читалось, как открытая книга. Ни тени раскаяния. Только самодовольство и злорадство. Ей было плевать на все чувства, кроме своих больных фантазий.

Мне было больно. Больно от всего, что происходило. Похмелье медленно отступало, и в память, как обрывки порнофильма, начали всплывать кадры прошлой ночи. Тёмная комната, её прикосновения, которые я не желал видеть. Я пытался представить на её месте Крис, но это не работало, это было кошунственно. Крис так плохо, так механически не трахается, как Лера. Она... живая.

Выключая телефон, я молча, не глядя на неё, ушёл в прихожую. Она была просторной, с большим зеркалом во всю стену. Я начал обуваться, натягивая носки, которые нашел в ботинках, краем глаза замечая, как Лера, словно привязанная, везде за мной таскается. Насколько же противным, пустым человеком она была. Я не понимал, как Тоша, в общем-то нормальный парень, терпит её рядом уже три года. Наверняка, измены были и до этого, просто он не знал или не хотел знать.

Как же мне сейчас хотелось оказаться рядом с Крис. Обнять её, вдохнуть её запах — ваниль и что-то свежее, объяснить всё. Но я жестоко провинился. Да, наши отношения трещали по швам, я был не в силах их поддерживать, постоянно пропадая на работе и законченный ремонт в новом доме, о котором она в принципе не знала. Крис и без того было нехорошо — травма с похорон матери, депрессивное состояние. И я, вместо поддержки, решил «оставить её в покое, чтобы не трепать и без того потрёпанные нервы». Какая же это была трусость. Какая глупость. И сейчас, благодаря Лере, я понял это с такой ясностью, как никогда раньше. Её выходы всё усугубят до невозможности. Что делать с этим, я не знал.

Заправив шнурки в кроссовки, я выпрямился, и стоило мне бросить последний, полный ненависти взгляд на Леру, как раздался резкий, знакомый лязг. Звон ключей, вставляемых

в замочную скважину. Щелчок поворота. Дверь распахнулась, и в квартиру, ссутулившись и бледный, словно после долгой ночи, зашёл Тоша. Он замер на пороге, опускаясь в недоумении, переводя взгляд с моей обутой фигуры в прихожей на Леру в её откровенном халате, которая тут же сделала испуганные глаза и прижала руки к груди, изображая невинную жертву.

— Ты здесь что забыл? — Бросил мне Тоша, и его голос был хриплым от усталости и нарастающей злости. Я понимал его. Увидеть в квартире парня, которого хочется убить, стоящего в прихожей, пока твоя девушка почти раздета, — мысли лезли самые неприятные.

— Ухожу уже, — буркнул я, опуская взгляд. Я не стал ничего объяснять. Это было бесполезно. Я боком обошёл его, чувствуя, как его недовольный, пронзающий спину взгляд буквально жжёт мне кожу между лопатками, и выскочил на лестничную клетку, не закрывая за собой дверь. Я всё понимал. До самой мелочи. Злиться нужно было на Леру, не на него. Но сейчас он этого не увидит.

Толкая тяжелую парадную дверь, я выхожу на улицу. Полдневное солнце ударило по глазам, заставив щуриться. Воздух был прохладным, свежим. Я глубоко вдохнул, пытаюсь очистить лёгкие от того сладкого, удушливого воздуха её квартиры. Решил пойти пешком до дома. Идти мне около часа, и за это время я успею над многим подумать. Например, как подойти к Крис, что сказать, и стоит ли вообще мне пытаться что-то объяснить, имея на руках такое железное «доказательство» измены. Я прекрасно знал её стойкий, гордый характер. И пусть даже я был жертвой обстоятельств, её доверие ко мне, и без того подорванное, теперь было растоптано и сожжено. Она точно не захочет повторять всё заново.

Недавно ко мне приехал родной младший брат, Влад, с которым мы не виделись около года. Он жил в другом городе, и естественно, про все перипетии моих отношений с Крис он не знал. А познакомить их я, увы, не успел — всё как-то не складывалось. Обстоятельства говорили о том, что жить я теперь буду не один, и это, наверное, к лучшему. Новый, пустой дом, пахнувший краской и стройматериалами, обживать одному было бы тоскливо. Крис знала, что я планировал эту покупку давно, ещё до наших отношений, но место — тихий спальный район на окраине — мне пришлось выбрать самому. И сейчас я с горькой иронией думал, стоит ли жалеть о том, что он находится всего в трёх домах от дома Крис. Может, это судьба давала мне шанс, а я своим малодушием его растоптал. Но думал, что хоть буду чаще её видеть. Мельком. Издалека.

Разбираясь с этим муравейником мыслей, я уже не заметил, как ноги сами принесли меня до нужного забора. Дом, двухэтажный, кирпичный, ещё не обжитый, с палисадником, где рос лишь бурьян. Отворяя скрипучую калитку, проходя и захлопывая её с таким звуком, будто закрываю последнюю страницу этой утренней кошмарной главы, я поднялся по бетонным ступеням крыльца и вставил ключ в замок. Щелчок. Я ступил за порог, в прохладную прихожую моего дома. Здесь пахло пылью и чаем.

Слыша звон ключей и громкий хлопок закрытой двери, по лестнице, ведущей на второй этаж, уже спускался Влад. Он был в спортивных штанах и футболке, с телефоном в руке.

— Привет, — тихо, почти шёпотом произнёс я, чувствуя, как накатывает адская усталость. Разуваясь, я проступал босыми ногами по холодному ламинату в сторону кухни и плюхнулся на стул у голого деревянного стола.

— Привет, — услышал я в ответ от брата. Я не поворачивал головы, чтобы посмотреть на него. — День не выдался?

— Ещё как, — я сгорбился, уставившись в столешницу. — Я побывал любовником Леры, которая затащила меня к себе в постель, пока её парень, мой, на минуточку, знакомый, не видел.

— А твоя девушка? — спросил Влад, его голос был спокойным, без осуждения.

— Какая к чёрту девушка? — вспыхнул я, поднимая на него глаза. В его взгляде я увидел лишь вопрос, но мне было не до того. — Ева? Мы не в отношениях, чтобы называть её моей

девушкой. К тому же, одна совместная поездка во Францию по работе ничего не значит. Она такая же стерва, как и Лера, просто более утонченная.

— Много ты успел за неделю, — констатировал Влад, присаживаясь напротив меня.

Я явно был не в духе. Разбирать с ним все свои проблемы, все мелкие и крупные пакости, что случились за эти семь дней, не было ни сил, ни желания. Поэтому я просто молча встал, кивнул ему и бросил глухое «Я спать», хотя за окном еще был день. И ушёл к себе в спальню, где стоял только голый матрас на полу. Потому что было уже достаточно поздно для всего этого. Для Леры, для Тоши, для Крис, для самого себя. Оставалось только спать, в надежде, что утро будет мудренее вечера. А это... это был просто кошмар, затянувшийся до самого полудня.

Тоша

Словно отголосок вчерашнего дня, в ушах ещё стоял наш разговор. Встреча с ней и Киром вымотала меня до предела — эта вымученная легкость, эти разговоры про этого идиота, когда каждый знает, что под тонким льдом вежливости бурлят пучины обид и невысказанного. Я бегал по делам, пытаясь заглушить внутреннее беспокойство суетой, а этой ночью и вовсе дома не ночевал. Мне пришлось остаться на всю ночь на работе, чтобы разгрести все завалы, накопившиеся за неделю этого эмоционального хаоса, и разобраться с ворохом документов, которые мерещились мне теперь не строчками с цифрами, а иероглифами чужой, упорядоченной жизни, которой у меня не было.

К утру, когда серое предрассветное небо за окном офиса сменилось грязно-белесым днём, я чувствовал себя выжатым лимоном. Глаза слипались, тело ломило от неудобной позы в кресле, во рту был стойкий привкус перегоревшего кофе и усталости. Пришло время возвращаться домой. К той самой квартире, которая за последние месяцы стала напоминать не убежище, а поле для тихой, холодной войны.

Я медленно поднимался по лестнице, прислушиваясь к гулкому эху своих шагов. В кармане джинсов нащупал холодные зубцы ключей. Один, самый знакомый, с потёртой бородкой, я сунул в замочную скважину, повернул раз, другой — с привычным щелчком замок поддался. Я толкнул дверь, и первое, что я увидел, войдя в прихожую, — Осеннего. Он стоял уже одетый, в кроссовках, и его поза говорила о том, что он только что собрался уходить.

Мозг взорвался адреналином. Промелькнула тонна вопросов, диких и обрывочных: «Что он тут делает? В такое время? Почему он здесь? Где Лера?». Но я, как опытный сапёр, сразу заткнул их, перерубив все провода панических догадок. Я ступил на порог квартиры, и пол под ногами будто бы качнулся. Мой взгляд, тяжёлый и подозрительный, метнулся с него, Осеннего, на фигуру Леры, которая стояла в проеме гостиной в своем коротком шелковом халатике, затем обратно, на Костю. Воздух был густым и сладким от её духов, и в нём висело нечто невысказанное, порочное.

— Ты здесь что забыл? — Задал я вопрос, голос мой прозвучал неестественно ровно, я сам застыл на месте, вживившись в дверной косяк.

— Ухожу уже, — ответил Костя, и его голос на удивление звучал спокойно, даже усталорасстроено. Но меня это мало волновало. Главным было то, что он снова появился в нашем с Лерином пространстве, и это не сулило ничего хорошего. Особенно для Крис. Мысль о том, что он может снова полезть к ней и портить ей нервы, заставила сжать кулаки.

Костя боком, не спеша, обошел меня, словно бродячий кот, и я почувствовал запах его одеколона, смешанный с запахом чужого постельного белья. Потом он стал спускаться по лестничной площадке, и его шаги отдавались в тишине подъезда глухими, удаляющимися ударами. Мой взгляд, тяжёлый и недобрый, был прикован к его спине до самого конца, пока тёмный силуэт не скрылся за углом следующего лестничного марша, словно дьявол, вернувшийся в преисподнюю.

Поворачиваясь к Лере, я с силой, но беззвучно захлопнул дверь и повернул ключ, запирая её на замок. Звук щелчка был финальным аккордом, отсекающим внешний мир. Я подошёл к ней ближе, ощущая, как напряжение в плечах понемногу сменяется другим чувством — ревнивым, собственническим желанием подтвердить свои права. Я уложил свои руки на её тонкую, почти хрупкую талию, чувствуя под шелком тепло её кожи.

— И что ему тут было нужно? — Я говорил спокойно и внятно, но внутри всё было сжато в тугую комок. Я ждал ответа. Ждал какого-то простого, логичного объяснения.

— Да так, мелочи, — прошептала она, её голос был обволакивающим и сладким, как яд. Она уложила свои руки на мои плечи, пальцы слегка сжали мышцы, и нежно, почти невесомо, коснулась моих губ своими. Это был поцелуй-отмашка, поцелуй-успокоение.

Но я не хотел успокаиваться. Я хотел забыться. Не замедляясь, я ответил ей, но уже с давлением, с голодом. Притянул её ближе, так что наши тела слились воедино, а потом, не разрывая поцелуя, подхватил на руки, придерживая за упругие ягодички. Она легонько вскрикнула от неожиданности, обвивая мою шею руками. Я донёс её до ближайшей мебели, чем оказался холодный, глянцевый кухонный стол. Усадил её на него, и, продолжая поцелуй, теперь уже более жадный и властный, чуть раздвинул её ноги коленями, подходя ближе и сокращая расстояние между нами до нуля. Я чувствовал её дыхание, слышал учащённое биение своего сердца, пытался заглушить этим физическим контактом назойливый голос сомнения, который бубнил на задворках сознания.

Блаженство это, порочное и вымученное, продолжалось недолго. Пока моя любимая девушка не прервала поцелуй. Её губы отстранились, и в наступившей тишине я услышал лишь собственное тяжелое дыхание. Как только я оторвался от её сладких, но таких фальшивых губ, в кармане джинсов отчаянно завибрировал телефон. Одно короткое, но настойчивое смс.

Достав его, я разблокировал экран. Сообщение было от Крис. В мыслях проскочило что-то острое и холодное — интуиция подсказывала, что это важно, что это не просто «как ты». Я незамедлительно открыл присланный ею скриншот. В то время Лера продолжала сидеть на столе, её ноги болтались в воздухе, взгляд скользил по мне, её руки всё так же поглаживали мои плечи, но теперь это прикосновение казалось чужим, липким.

Текст на скриншоте был коротким. Убойным. Сообщение от Кости Крис. «...я спал с Лерой, любимая».

Прочтение содержимого не заняло много времени. Секунды. Но мир за эти секунды перевернулся с ног на голову. Я ужаснулся. Буквально почувствовал, как лицо моё побледнело, кровь отхлынула к ногам, оставив кожу холодной и липкой. Тело постигла мелкая, предательская дрожь, будто меня внезапно поместили в морозильную камеру. Я сделал шаг назад, отстраняясь от Леры, и поднял на неё взгляд. В глазах у неё не было ни удивления, ни страха. Лишь спокойное, выжидающее любопытство.

— Ты чего? — Заметив резкое изменение в моей позе, в моём лице, она прервала тишину раньше меня. Её голос был до неприличия спокойным.

— Я отойду, позвонить, — выдавил я, и мой собственный голос прозвучал чужим, дрожащим, с надрывом. Ноги стали ватными, непослушными. Тяжесть в теле усиливалась с каждой секундой, давя на плечи, на грудь. Голова была забита множеством мыслей, но все они были обрывками, осколками, которые больно ранили изнутри.

Я, почти не помня как, зашёл в ванную и закрыл за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как приговор. Прислонившись лбом к холодной кафельной плитке, я набрал номер Крис. Каждая цифра на экране давалась с усилием. Я слушал длинные гудки, и с каждым из них сердце заходило в предчувствии новой боли.

— Тош?.. — послышался наконец мягкий, но надтреснутый голос моей лучшей подруги. В нём слышались нотки переживания и тревоги, но в тот момент мне хотелось лишь одного — сделать для себя виселицу на люстре, нежели разбираться во всём этом дерьме, в которое я был втянут.

— В смысле «с Лерой»? — резко, почти крикнул я в трубку. Дыхание сбивалось к чертям, сдавливаемое тисками злости, боли и предательства, которые сжимали мою грудь. На другом конце трубки была полная, оглушительная тишина. И я понимал. Понимал, как ей тяжело. Как каждое слово сейчас режет ей горло, потому что она боится задеть меня, ранить ещё сильнее, но ей самой, с её болью от Кости, было не легче. Мы были двумя ранеными животными, истекающими кровью на разных концах провода.

— Я не знаю... — её голос дрожал, срывался на фальцет, и было ощущение, что она вот-вот разрыдается. Эта дрожь, эта беспомощность в её голосе пронзили меня острее любого ножа. Сейчас было больно так же, как на похоронах мамы Крис. Эта женщина, добрая и светлая, не была мне чужой. Она обращалась ко мне как к брату Крис, как к своему сыну. А теперь её дочь, которую я обязан был защищать, плакала из-за той, кого я привёл в свою жизнь.

Мне хотелось разбить телефон, швырнув его в стену, чтобы вдребезги разнести это доказательство моего позора. Мне хотелось убить Леру, задушить её тем самым шелковым халатом. Или ещё что хуже. Но это были лишь фантазии ненормального человека, а я не такой. Я всегда был сдержан. Агрессию я сжимал в кулак, глотал, как комок рвоты. Но слёзы, подступившие комом в горле, эти предательские, горячие слёзы, я не мог засунуть обратно. Они катились по щекам, и я молчал, давая ей услышать в этой тишине всё, что не могу сказать словами.

— Я перезвоню, — наконец выдавил я. Голос мой звучал серьёзно, и одновременно мертво-спокойно. Я лишь не хотел напугать Крис своей немой, разрушительной агрессией. Я завершил звонок, и экран телефона снова осветился тем самым скриншотом.

Я вышел из ванной. Ноги несли меня сами, будто по заранее проложенным рельсам. Я вернулся к Лере, которая уже сидела на диване в гостиной, устроившись с ногами, как ни в чём не бывало. Она смотрела на меня с тем же спокойным, почти любопытным выражением. Я молча встал перед ней, как на дуэли, и поднял телефон, показывая содержимое экрана. Она медленно, не торопясь, прочла. Её лицо не дрогнуло. Ни тени раскаяния, ни ужаса, ни даже досады. И в этот момент во мне всё окончательно рухнуло. Я понял. Всё было специально. Рассчитано. Холодно. Лишь бы отделаться от меня. Сделать так, чтобы я сам ушёл.

Она медленно, с кошачьей грацией, встала и подошла ко мне вплотную. Её глаза, холодные и ясные, разглядывали каждую часть моего лица, каждую морщинку боли, каждый след слёз.

— Ну, наконец-то, — с лёгкой, торжествующей улыбкой произнесла она. Улыбка не добралась до её глаз. — Ты же не глупый, уже всё сам понял? Тогда собирай вещи, и уходи.

Три года в пустыю.

Эта мысль пронеслась в моей голове не словами, целой вселенной обманутых надежд, выброшенных денег, потраченных нервов, выстраданных компромиссов. Три года я строил замок на песке, а оказалось, что жил на вулкане, который вот-вот должен был взорваться. Я понял, что совсем не знал её.

Без дальнейших выяснений, без криков и упрёков, которые уже ничего не меняли, я вернулся и пошёл в спальню. Подошёл к высокому, зеркальному шкафу, который мы выбирали вместе. Открыл его. Пахло её духами. На полках лежали её вещи, а мои скромно ютились в углу. Я достал с верхней полки спортивную сумку, ту самую, с которой ездили в наши первые совместные отпуска. Резко расстегнул молнию и начал запихивать внутрь всё, что попадалось под руку: футболки, джинсы, свитера. Всё что влезло, я заберу. А с остальным... С остальным пусть делает что хочет.

— Остальные вещи, можешь сжечь, — бросил я, не оборачиваясь, выходя с сумкой в коридор.

Я кинул на Леру короткий, испепеляющий взгляд. Тело прожигала невыносимая боль, будто меня изнутри выжигали паяльной лампой. Поставив сумку на пол, я стал обуваться, торопясь, спотыкаясь. Потом, с размаху, кинул на комод связку ключей. Они звякнули, ударившись о дерево, — прощальный, финальный аккорд. Я вышел, не оглядываясь, и с силой захлопнул за собой дверь. Этот звук был звуком конца.

Оказавшись на улице, я вызвал такси до Крис. Идти пешком час после такого сюрприза не было ни сил, ни желания. Поеду я именно к ней, потому что точно знал — она меня ждет. Она одна не предаст. Она примет. По телу с каждой секундой пробегали стаи ледяных мурашек. Меня будто обливали ледяной водой и втыкали зазубренный нож в самое сердце, медленно

проворачивая. Боль была настолько физической и всепоглощающей, что я всерьёз, впервые в жизни, задумался о самоубийстве. Не как о драме, а как о логичном выходе. Я верил Лере максимально. Любил на все сто процентов. Доверял безгранично. Не было даже тени, единой крамольной мысли о том, что такое может когда-либо случиться. Я был слепым дураком, и цена за эту слепоту оказалась неподъёмной.

Такси приехало быстро. Я молча открыл дверь, запрыгнул на заднее сиденье и откинул голову. Оставшиеся пятнадцать минут я пытался «наслаждаться» дорогой, глядя в окно на мелькающие дома и огни, стараясь не думать о всём ужасе. Но время пролетело максимально быстро, как будто я заснул на отъезде от той проклятой квартиры, и проснулся уже по приезду на адрес Крис. Прощаясь с водителем, я вышел из машины. Ноги сами, как на автопилоте, поволокли меня к знакомой входной двери. Снова накатывали слёзы, комом вставая в горле, и мне дико хотелось кричать, выть от бессилия и боли.

Я глухо, почти беззвучно постучал костяшками пальцев по дереву.

Дверь открылась почти сразу, будто она стояла за ней и ждала. Я прошёл на порог, скинул с плеча тяжёлую сумку с вещами, которая упала на пол с глухим стуком. Не глядя на Крис, я обошёл её и плюхнулся в мягкое кожаное кресло, стоящее рядом с диваном. Оно с громким шуршанием приняло моё тело. Я опрокинул голову назад, запрокинув её на спинку, и закрыл глаза, пытаясь восстановить сбитое, прерывистое дыхание. Я чувствовал на себе её пристальный, полный жалости и вопроса взгляд.

Поворачивая голову в её сторону, я открыл глаза. Они были сухими и горячими. С темным, пронизательным, усталым взглядом посмотрел на неё.

— Спрашивай, — спокойно, почти шёпотом сказал я, ощущая, что в её голове сейчас сидит целый рой вопросов, которые она боится произнести вслух, боясь сделать мне ещё больнее.

Крис с громким, финальным щелчком закрыла дверь, отгораживая нас от всего мира. Потом медленно, будто боясь спугнуть, направилась к дивану. Села, уютно устроив ноги под собой, и занялась беспокойным, нервным перебиранием собственных пальцев. Этот жест без слов выдавал всю её тревогу. Набравшись смелости, она, наконец, смогла выдохнуть тот самый, самый большой вопрос.

— Что теперь между вами?.. — Я услышал встревоженный, дрожащий тон её голоса, и на секунду мы встретились взглядами. В её глазах была такая боль за меня, что мне стало стыдно за свою собственную.

— Ничего, — ответил я, и моё собственное спокойствие поразило даже меня. — Теперь между нами ничего.

Уголки моих губ дрогнули в легкой, горькой, обессиленной улыбке. И я видел, как её это поражало, почти шокировало. Я устал. Устал бегать, оправдываться, бороться за то, что оказалось миражом. Лера настолько глубоко и метко всадила в меня нож, что он, кажется, перерезал все нервные окончания. Сейчас мне было просто... всё равно. Пусто. — Крис, не стоит так переживать за меня. Лера не тот человек, с которым я хотел провести остаток жизни. — Я продолжил, приподнимаясь с кресла и перемещаясь на диван, прямо перед ней. Я увидел её шок, полное непонимание, и думаю, у неё даже мелькнуло желание встряхнуть или ударить меня за подобные, на её взгляд, отрешённые слова.

— В смысле? Но вы же... — она невозмутимо, почти с отчаянием вскрикнула, её брови взлетели к волосам.

Я поспешил успокоить её, перебивая и продолжая своей тихой, но твёрдой фразой.

— Да, но она, видимо, не мой человек. — Я произнёс это вслух, и эти слова прозвучали как освобождение. Как приговор, который я сам себе вынес. Я повернул Крис к себе, укладывая свои тяжелые, холодные руки на её хрупкие плечи. Они были точкой опоры в рушащемся мире. Единственной реальной и настоящей вещью, что у меня оставалась.

Кристина

С ухода моих друзей прошли уже сутки. Эти часы растянулись в липкую, бесформенную вечность. Я не двигалась с дивана, зарывшись ногами в складки мягкого пледа, словно пытаясь спрятаться от всего мира. Всё это время я бесконечной, изматывающей каруселью прокручивала в голове наши с Костей отношения. Каждое слово, каждую ссору, каждое редкое за последнее время прикосновение. Я пыталась найти точку, где всё пошло не так, словно археолог, в отчаянии раскапывающий пески собственной жизни в поисках артефакта, который объяснил бы крушение целой цивилизации наших чувств. Я успокаивала себя бессмысленными, заезженными фразами: «Всё к лучшему», «Так было нужно», «Он не стоил меня». Но это были лишь слова, пустые оболочки, не наполненные ни чувством, ни верой. Они отскакивали от стен моего сознания, как горох о стену.

В конечном итоге, истощенная этой внутренней пыткой, я решила включить свой телефон. Он лежал на столе, как чёрный, безжизненный кирпичик, хранящий в себе все токсины прошедшего дня. Прижимая большой, дрожащий палец к кнопке включения, я с замиранием сердца наблюдала, как загорается экран. Я ввела пароль — его дату рождения, что было горькой иронией — и автоматически подключилась к домашнему wi-fi. В этот момент телефон будто взбесился. На мгновение он завис, захлёбываясь от лавины уведомлений, пропущенных звонков и сообщений, которые обрушились на него после долгого молчания. Экран мигал, как в лихорадке, но также быстро, как начался, этот цифровой шторм утих, и система пришла в норму, холодную и безразличную.

Сделав глубокий, но не успокаивающий вдох, я, наконец, зашла в Telegram. Иконка приложения казалась мне теперь дверью в комнату пыток. Я начала пролистывать чаты один за другим. Подруги интересовались, как прошёл мой день. Рекламные рассылки. Всё это я пролистывала с механическим безразличием, пока палец не замер над одним-единственным аккаунтом. «Костя». Сердце ёкнуло, предупреждая об опасности, но разум был уже отравлен любопытством. И чёрт меня дёрнул за руку — я тапнула на него.

Я увидела одно-единственное сообщение. Никаких длинных тирад, никаких оправданий. Просто несколько строчек, висящих в пустоте чата, как приговор, вынесенный заочно. И я прочитала его. Сначала глазами, не понимая смысла, затем — мозгом, и тогда каждая буква впивалась в сознание, как раскалённая игла.

«Не знаю что там с тобой, но мне плевать. Думаю, ты поняла, что всё между нами закончено. Пишу лишь для того, что бы уведомить тебя в том, что я спал с Лерой, любимая»

Слово «любимая» в конце было таким леденящим цинизмом, что по коже пробежали мурашки. Температура в моем теле мгновенно поднялась, лицо запылало жаром, а ладони стали ледяными и влажными. В ушах зазвенело, комната поплыла перед глазами, и я чуть не свалилась в обморок, схватившись за край стола. Смятение, которое я испытывала, было всепоглощающим — это была гремучая смесь из унижения, ярости, неверия и острой, физической тошноты.

«Конченный идиот!» — первое, что пронеслось у меня в голове, короткое, яростное и точное, как выстрел.

И тогда, на волне этой слепой, необдуманной ярости, я сделала скриншот его сообщения. Палец сам потянулся к кнопкам. И почти не думая, я отправила его Тоше. Это был жест отчаяния, крик о помощи, попытка переложить часть этой невыносимой боли на того, кто, как я знала, поймёт. Я не думала, что так быстро моё сообщение станет прочтенным. Но почти мгновенно, прежде чем я успела хоть как-то осознать свой поступок, экран телефона осветился входящим вызовом. «Тоша».

Я подняла трубку трясущимися, непослушными руками и с трудом поднесла холодный корпус телефона к уху.

— Тош?.. — аккуратно, тихо, почти шёпотом спросила я и сразу замолчала, прислушиваясь к тишине на том конце провода. Меня пугало именно это молчание, тяжёлое и зловещее.

— В смысле с Лерой? — резко, с хрипотой выдавил он. Через динамик мобильного устройства было отчётливо слышно его тяжёлое, взволнованное дыхание, словно он только что пробежал марафон или получил удар в солнечное сплетение.

Я не представляла, что ответить. Слова застревали в горле комом. Я не находила подходящих, осторожных слов и до судорог боялась задеть его за живое, сделать ещё больнее. В итоге, я ответила первое, что пришло в мой, на тот момент, совершенно туманный и парализованный разум.

— Я не знаю... — так же тихо, беспомощно прошептала я и снова скрылась в тишине, предоставив ему слышать лишь предательскую дрожь в моём дыхании.

Он знал. Он знал, что мне тоже сейчас нелегко принять эту информацию, что я не в состоянии спокойно и рассудительно говорить об этом. Поэтому далее я услышала лишь тяжёлый, сдавленный вздох, в котором читалась вся его боль. В это время я трясущейся рукой машинально заправила прядь своих прямых, тёмных, почти чёрных волос за ухо, словно этот мелкий, привычный жест мог вернуть хоть каплю нормальности в этот сумасшедший мир.

— Я перезвоню, — услышала я его серьёзный, но в то же время мертвенно-спокойный голос, и он завершил звонок. Короткие гудки прозвучали как приговор.

Я отдала телефон от уха и уставилась на яркий, бездушный экран, не зная, что делать. Внутри шла война между инстинктом «бежать к нему» и голосом разума «дождаться звонка». И очевидно, я выбрала второй вариант, с трудом подавив в себе порыв мчаться к нему через весь город. Я понимала, что если бы вмешалась в их отношения с Лерой прямо сейчас, получилось бы только хуже, и ситуация усугубилась до полного абсурда.

Просидела я так, кажется, целую вечность, хотя на часах прошло лишь полчаса. В ожидании звонка Тоши каждая секунда растягивалась в мучительную пытку. Моему волнению хотелось разорвать меня изнутри, ведь я и представить не могла, что сейчас происходит у них за стенами той квартиры. Мои чувства смешались в ядовитый коктейль: дикое переживание за Тошу и яростное, почти звериное желание выплеснуть все эти эмоции на Осеннего, заставить его почувствовать ту самую боль, ту самую горечь от того, кого он, казалось бы, любил. Я не могла представить себе, что однажды испытаю что-то подобное. Эта боль была нового, незнакомого сорта, она жгла изнутри.

Меня прервал резкий, настойчивый стук в дверь. На секунду я оцепенела, застыв на диване. Но мысль, что это может быть Тоша, подорвала меня с места. Я сорвалась и направилась открывать, сердце колотилось где-то в горле.

Это был он. И даже не нужно было ничего спрашивать. На его лице, бледном и осунувшемся, читались все возможные и невозможные эмоции. В глазах стояли слёзы, которые он не давал себе пролить, отчего они казались стеклянными и неживыми. Я видела, что он хочет кричать и рыдать одновременно, сжать что-то в дребезги или рухнуть на пол, но не позволял этому случиться, сжимая всё внутри в тугую, стальной комок. И почему-то я винила себя, будто это моё присутствие, мой взгляд мешали ему выплеснуть все эти таившиеся внутри него эмоции.

Тоша молча переступил порог моего дома, и я так же молча шагнула в сторону, давая ему пройти. Он скинул с плеча тяжёлую, набитую вещами спортивную сумку. Она упала на пол с глухим, бесславным стуком. Затем, не глядя ни на что, он почти рухнул в недалеко стоящее кресло, плюхнувшись в него с такой силой, что кожаный чехол громко вздохнул. Он запрокинул голову назад, на спинку, закрыл глаза и стал восстанавливать дыхание, но оно сбивалось, было прерывистым и тяжёлым. Я второй раз видела его таким потерянным, опустошённым до

самого дна. Первый раз был на похоронах моей мамы. Но сейчас было что-то иное. Он будто потерял её снова, вместе со мной, отрывая от себя намертво пришитую часть души.

Я отчаянно хотела спросить, что теперь с их отношениями, что произошло, но безумно боялась снова его задеть своими вопросами, любыми неосторожными словами, которые могли вскрыть и без того кровоточащую рану. Стоя молча на месте как вкопанная, я всматривалась в него, в каждую черту его искажённого страданием лица, пока он не открыл глаза и не посмотрел на меня в ответ. Его взгляд был пустым, тёмным, бездонным, как ночное небо без звёзд.

— Спрашивай, — смотря на мою испуганную, застывшую фигуру, спокойно, почти без интонации произнёс Тоша. И я поражаюсь, насколько его голос был ровным и безжизненным.

Движением, похожим на автоматное, я захлопнула входную дверь, отгораживая нас от всего мира. Потом медленно, на цыпочках, направилась к дивану и уютно устроилась на нём, складывая под себя ноги. Мои пальцы занялись беспокойным, нервным перебиранием складок на юбке, я смотрела лишь в пол, набираясь смелости задать тот самый вопрос.

— Что теперь между вами?.. — аккуратно, выдохом спросила я и кинула на него мимо-лётный взгляд, замечая, что Тоша не отрывал своего тяжёлого взгляда от меня.

— Ничего, — прозвучало как отрезание. — Теперь между нами ничего. — Уголки его губ дрогнули и растянулись в безмятежной, уставшей улыбке, от которой стало по-настоящему страшно. — Крис, не стоит так переживать за меня. Лера не тот человек, с которым я хотел провести остаток жизни.

Он приподнялся с кресла и присел рядом со мной на диван. Он говорил это равнодушно, отстранённо, и я понимала, что ему будто становится всё равно на то, что она сделала. А я не могла ушам своим поверить, слыша эти слова. Я видела их отношения со стороны, я наблюдала за этой, казалось бы, бесконечной любовью, за его преданностью. Я невозмутимо, почти с отчаянием вскрикнула:

— В смысле? Но вы же...

Не давая мне договорить, перебить меня — он перебил мою наивную попытку понять.

— Да, но она, видимо, не мой человек, — отрезал он, и его голос прозвучал с какой-то новой, незнакомой твёрдостью. Он развернул меня к себе, его руки легли на мои плечи, становясь единственной точкой опоры в этом рушащемся мире.

С того инцидента, с той мерзкой измены моего бывшего парня, прошло около месяца. Я до сих пор не знаю, почему так уверенно считаю это изменой, ведь я даже ни в чём как следует не разобралась, не устроила допрос с пристрастием. Но, видимо, некоторые вещи не требуют доказательств, они просто вбиваются в тебя и отравляют изнутри.

Тоша, как ни странно, оправился быстрее меня. Он с какой-то методичной, почти пугающей решимостью начал позволять себе знакомства с новыми людьми, будто прописывал сам себе терапию отравой. Хотя времени прошло мало. А я... я никак не могла свыкнуться с тем случаем и успокоить свою тревогу, которая с каждым днем, словно едкая кислота, прожигала во мне чёрные, бездонные дыры. Но этот чокнутый был рядом со мной постоянно. Он стал моим личным стражем, моим экзорцистом, не давая мне проронить ни единой слезинки на людях, ловя меня на малейшем намёке на тоску.

После расставания с Лерой он практически сразу переехал ко мне, заняв свободную комнату, и теперь мы жили под одной крышей, как в старые, добрые времена, только с привкусом общей боли. Я не отчаивалась, ведь безумно была рада этому. Его присутствие было бальзамом, антидотом против одиночества.

После месяца проживания вместе мы сблизились ещё больше. Мы узнали друг о друге такие мелочи и такие глубины, о которых, возможно, не догадывались за все предыдущие годы дружбы. Мы научились читать настроение друг друга по одному взгляду, по звуку шагов в коридоре.

Осеннего я больше не видела и ничего о нём не слышала. Да и мне не хотелось снова трепать себе и без того расшатанные нервы. Но мир, как назло, маленький. Сквозь мои уши, словно сквозь решето, прошли пару слухов, о том, что он уезжал во Францию со своей уже новой девушкой. Как бы Тоша ни старался уберечь меня от этой информации, оградить меня от всех токсичных новостей, я всё равно всё узнавала благодаря проклятым социальным сетям, этой цифровой витрине чужих, идеальных жизней.

Рассказ о Франции тронул меня за самое больное. Ведь это была наша с ним мечта — улететь туда на всё лето, заблудиться в улочках Парижа, пить вино где-нибудь в Провансе. Мы строили эти планы, лежа на полу в его комнате, с картой, разложенной между нами. И вот, увы, он разделил нашу мечту с чужим человеком, с кем-то, кто, как мне казалось, не заслуживал и миллионной доли тех чувств, что были вложены в эту идею.

И вот сегодня, я бежала домой под назойливым, осенним дождём. Небо плакало крупными, холодными слезами, а я, не разбирая дороги, спотыкалась о мокрый асфальт, отчаянно пытаясь протиснуться сквозь толпу под зонтами.

Мокрые пряди волос липли к щекам и закрывали обзор, но я почти не замечала этого. Я обещала Тоше вернуться домой ровно в десять вечера. Мы договорились посмотреть мой любимый старый фильм, заварить какао и устроить наш маленький кинотеатр. Но из-за пробок в городе, превративших улицы в парковку, я опаздывала уже на двадцать минут. Зная свою болезненную пунктуальность, я ненавидела опаздывать даже на пять минут, а тут — целых двадцать. Во мне всё сжималось от внутреннего дискомфорта.

Становясь совсем невыносимо больно от этой мысли, я, пробегая через перекрёсток, резко хватаюсь за голову и отшатываюсь назад, пытаюсь другой рукой откинуть мокрый занавес волос с лица. Я с размаху врезаюсь во что-то твёрдое. Или этот кто-то врезался в меня. От неожиданности и лёгкого удара голова пошла кругом. Я больно ударилась лбом о жесткую, упругую грудь какого-то парня, но через секунду смогла разглядеть его. Высокий. Очень симпатичный. Передо мной стоял молодой человек, который инстинктивно схватил меня за запястье, не давая упасть в лужу. Его хватка была твёрдой, но не грубой. Наши взгляды встретились. Его глаза были цвета грозового неба, пронзительно-голубыми, и в них читалось лёгкое удивление и участие.

— Не ушиблась? — вежливо, с лёгкой, приятной хрипотцой спросил он.

Я была в полном смятении. Было одновременно неловко до жути и до слёз смешно от всей этой ситуации. Но больше всего я не понимала, как такой невероятно красивый, ухоженный парень заговорил с такой промокшей, неуклюжей и явно не в себе девушкой. Я ещё раз взглянула на него, пытаюсь собрать в кучу расползающиеся мысли и придумать вменяемый ответ.

— Совсем немного, — наконец выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но это не страшно, думаю, пройдет, — чётко, своим нежным и мягким голосом, который так контрастировал с моим внутренним состоянием, произнесла я, не в силах оторвать от него взгляда.

Он отпустил мою руку, но между делом, совершенно машинально, взлохматил свои тёмные, почти чёрные от дождя волосы, и растянул свои губы в ласковой, открытой улыбке. От этой улыбки у меня на мгновение перехватило дыхание.

— Извини, я совсем не видел дороги, — взмахнул он свободной рукой, указывая на дождь и суету вокруг. — Не смогу оставить это вот так. Я должен извиниться перед тобой материально.

— Нет, не нужно, правда. Всё в порядке, — мне стало дико неловко. Я смущённо улыбнулась и стояла как маленький, провинившийся ребёнок, но он, видимо, не собирался отступать в своих настойчивых попытках заинтересовать меня знакомством.

— Настаиваю на том, чтобы ты пошла со мной на чашечку кофе, — уверенно, смотря сверху вниз на меня, произнёс он, и моё смятение стало только больше, превратившись в лёгкую панику.

Я не позволяла себе никаких знакомств, тем более с парнями, достаточно давно. Я давала себе глупые, юношеские клятвы, что Осенний будет единственным мужчиной в моей жизни. Но он сам перечеркнул это, выкинул наши клятвы как ненужный хлам. И в этот момент, под холодным дождём, глядя в эти насмешливо-добрые голубые глаза, во мне что-то надломилось. Моя внутренняя, тайная месть, дремавшая где-то в глубине, вдруг подняла голову и ликовала. «А почему бы и нет?» — прошептала она. Я согласилась. Не для того, чтобы тащить его в постель ради моральной мести бывшему — нет, это было бы слишком низко и банально. Я скорее собиралась просто весело, по-дурацки провести время, доказать самой себе, что я ещё жива, что я ещё могу нравиться кому-то.

— Так уж и быть, — моя улыбка наконец расцвела, став более естественной, и мы двинулись в сторону ближайшей, уютно светящейся кофейни.

На тот момент я совсем забыла о времени, о Тоше, о нашем фильме и о всём на свете. Я погрузилась в лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт, в его рассказы, в его смех. Я забыла, что у меня в кармане есть телефон. И когда я наконец почувствовала его настойчивую, раздражающую вибрацию в правом кармане брюк, то достала его с предчувствием чего-то плохого. И ужаснулась. Время. Куча пропущенных звонков. «Тоша (7)». Я резко остановилась посреди тротуара, подняв на своего спутника тревожный, полный паники взгляд. Мои глаза забегали, пытаясь найти ответ на его недоумённом лице.

— Извини, пожалуйста, но мне нужно домой. Срочно, — неловко, торопливо промямлила я, и мне стало до жути стыдно за эту внезапность, за то, что я снова веду себя как неадекватная дура.

— Эй, — он мягко, но настойчиво взял меня за подбородок и приподнял моё лицо, заставляя посмотреть на себя. — Если нужно, конечно, иди. Но я не дам тебе уйти без моего номера.

Я снова увидела его ослепительную, уверенную улыбку, и на секунду совершенно растаяла, почувствовав лёгкое головокружение. Сердце забило с бешеной частотой, когда он подошёл ко мне вплотную, так что я почувствовала запах его парфюма — древесный, с нотками дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.